

Светлана КЕКОВА

ТОННЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ

* * *

Страшны в вагонах люди спящие,
их сны – как игры ролевые,
их сны – взрывные и шипящие,
сонорные и щелевые.

Их сны – мучительно-подробные,
как жизнь согласных в райских кущах,
где и язычные, и нёбные
слились в потоке слёз текущих.

И вот опять на поле бранное
выходит лютый змий ли, волк ли...
Что – фрикативные, гортанные,
вы притаились и умолкли?

Чтоб муки не терпеть напрасные
и грех не предавать огласке,
звучат сегодня только гласные,
дрожат голосовые связки.

* * *

Вылетают из клеток чижи, канарейки, жар-птицы,
по излучинам веток бегут огневые лисицы,

время тоже летит, как царевна на сказочном волке,
с новогодней сосны облетают сухие иголки.

А по склону холма мчится огненный ангел на лыжах,
и отчаянно лают собаки в подпалинах рыжих.

Мы, последыши века, ни петь, ни молчать не умеем,
постепенно немеет, обнимаемся с огненным змеем,

изгибаемся в пламени, стоя на шатком пороге,
и уходим навеки, целуя чужие ожоги.

* * *

Всё то, что в жизни мы считаем раем,
от нас уходит прочь. И мы не знаем,
что происходит в царстве вещества –
какие вихри там, круговороты,
зачем, как рыба, плещется листва
и в бой идут кротов слепые роты?

Всё то, что в жизни обещает ад, –
томленье, муки совести нечистой,
течёт сквозь время, как ручей речистый,
под звуки песнопений и баллад.

А на границе знания и веры
растёт трава, рождаются химеры
из детских слёз и океанских брызг,
снут стрижы, как в море флибустьеры,
и издают какой-то странный визг –

как будто хочет мёртвого окликнуть
сей мир живой, и тихо зарыдать
о том, что вновь благоухать и никнуть
начнёт трава, как Божья благодать.

* * *

Никому не клялся, не лгал, не давал зарока,
по земле ходил, как печальный монах-расстрига...
В виде речки мелкой текла по земле дорога,
и шальные птицы без нот исполняли Грига.

Взяв ковригу хлеба и соли в льняном мешочке,
сколько черстных крох ты оставил в вагонах спальных?
А теперь на праздник ты сыну везёшь и дочке
в золотом ларце скорлупу от яиц пасхальных.

Голубь клюв зарыл в оперенье своей голубки
и воркует, стонет на птичьей своей латыни,
им бы тоже, бедным, склевать по одной скорлупке,
да лихая жизнь приучила беречь святыни.

И земля куда-то под вальс уплывает венский,
голубям шальным не видать твоего подарка –
пусть клюют по крупке слезавшийся снег крещенский
из чужой руки у собора святого Марка.

* * *

Ночь. Вода остыла в грелке.
Мышь скребётся в уголке.

ТОННЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ

Спит скелет леца в тарелке,
лук в капроновом чулке.

А часы большие с боем,
спички, дольку чеснока
засыпает тонким слоем
смерти тонкая мука.

Дом, плывущий в неизвестность,
перегружен, как ковчег,
в нём терять свою телесность
не желает человек.

Не желает подчиняться
ходу мерному светил,
тяжело ему меняться
и терять остатки сил.

За утратой ждёт утрата,
в стены дома бьёт волна...
Где вершина Арарата?
Существует ли она?

* * *

Я б хотела с рыбой породниться
и хотя б на миг уйти туда,
где струится в ледяной гробнице
мёртвая осенняя вода.

Это путь сквозь зону увяданья,
сквозь её последний ураган...
В жизни, словно в зале ожиданья,
копятся грехи, звучит орган.

Зыблются рябины в снежных шалях.
Вижу – приближается Она –
та, кому на ледяных скрижалях
числа выбивать и имена.

* * *

Очертания душ я ищу в облаках,
чтобы шелест земной затаился, притих.
Заседает в ветвях воробьиный конклав.
Спрятал в пёрышки клюв воробей-еретик.

Каждый день в половине восьмого утра
воробьиное дерево – грецкий орех –
начинает звучать, выдавать на гора
воркование, свист, щебетание, смех.

Каждый звук уникален, как форма бровей
Суламифи, как губ её алых изгиб.
Но на ветке сидит еретик-воробей
и с сочувствием смотрит на пастбище рыб –

голубой водоём, где гуляют вдвоём
краснопёрка и линь среди рыбьих отар,
где они затаились в молчанье своём
на военном параде супружеских пар.

* * *

Ирине Евсе

Богомол на воле расставил усы-антенны.
Как сигналы «sos», дождевые он ловит капли.
И рифмуют смело цветущие хризантемы
лепестки свои с опереньем японской цапли.

Наступила осень – и стало темно и голо.
Перестал сизарь ворковать со своей голубкой.
Лёгкий пух небесный, летящий от уст Эола,
отменяя пафос, прикинулся снежной крупкой.

В телефонной трубке я голос знакомый слышу:
тёплый ветер с моря с кавказским звучит акцентом:
«Я сегодня буду орехи бросать на крышу,
покупать инжир и лежать на камнях под тентом».

Три банана купишь, в свободный зайдёшь автобус,
чтобы плач о жизни тебя с головой не выдал...
Под рукою Бога вращается старый глобус –
то ли шар земной, то ль фетиш непонятный, идол.

Есть такое племя, у коего нет тотема, –
это племя слов, что колотит в свои тамтамы.
А в петлице осени астра иль хризантема
чуть привяла, словно букет для Прекрасной Дамы.

* * *

Протекает жизнь сквозь сердечный клапан,
как река, – в смятении и тоске.
Но стоит, как стражник, на задних лапах
богомол на розовом лепестке.

Получает визу в небесном МИДе
и летит на юг журавлей семья,
тихо спит в коричневой пирамиде
золотая мумия муравья.

ТОННЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ

А сверчок, исполненный тайной грусти,
запускает звука веретено.
Дети белых бабочек спят в капусте,
стрекоза лиловое пьёт вино.

Воробьи в ветвях собирают вече,
чтоб потом спокойно уснуть в ночи.
Человек, владеющий даром речи,
где твои медсёстры, твои врачи?

Неужели это – ветла в овраге,
молодой сверчок на своём шестке,
муравей в расписанном саркофаге,
богомол на розовом лепестке?

* * *

Скрипки брошены, флейты и дудочки,
мир исчез в соловьином зрачке.
Спрятав жирного червя в желудочке,
оркестранты сидят на сучке.

И такая вокруг какофония –
звуки АЛЛИ, и ЭОЛ, и ОРР...
Но из них созидалась симфония,
вторил птичьему – ангельский хор.

Ганс-датчанин в обнимку с Русалочкой
по волнам океанским бежит,
а футляр с дирижёрскою палочкой
у корней, как секира, лежит.

ТОННЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ

1

Средь зелени растущий баклажан
висел, как фиолетовый стакан,
на грядке рядом скромно цвёл картофель.
В полосках жёлтых колорадский жук
полз по листу, и маленький паук
следил за ним, как будто Мефистофель

за Фаустом. Чирикал воробей.
Пах сельдерей всё тоньше и слабей,
горчил укроп, курчавилась петрушка.
Вела цыплят заботливая клушка

туда, где, полдня обнаружив дно,
плескалось солнца пенное вино,
где жук постиг законы лицедейства,
где длинное жемчужное зерно
нашёл отец куриного семейства.

2

Оранжевая круглая морковь
сосёт из почвы сладостную кровь,
и свёкла прячет маленькие груди.
Морковь живёт в темнице, а коса –
на улице, где сыр и колбаса
лежат в обнимку на огромном блюде.

Как полдень пьян! Отпей его вина!
Петух нетрезв, и курица пьяна,
и тишина полна любовных стонов.
Но глянешь вглубь жемчужного зерна
и вдруг увидишь – жизнь превращена
в невидимую пляску электронов.

Обычный деревенский огород –
вещей и овощей случайный сброд –
проколот длинной золотой спицей.
Петух ведёт соперника на ринг.
Над ним, как коршун, реет Метерлинк,
держа в когтях кошёлку с синей птицей.

3

Мне снился лета треснувший арбуз.
Его привёз огромный сухогруз.
Он лихо сплавил волны вниз по Волге.
Смешались ветер, время и песок,
Закат июльский пил арбузный сок
и угасал, бросая в воду корки.

Гудели звёзд осиные рои,
и некто проникал в слова твои –
он был невзрачен, юрок и проворен,
он говорил, что летом воробьи
пронырливы, как горсть арбузных зёрен.

4

Лицо пчелы – в нектаре и пыльце.
Завершена цветущих лип проверка.
И чёрный пудель лает на крыльце,
пугая молодого Гейзенберга.

Арбузы серебрятся на бахче,
смуглеет тыква, зёрна копит дыня...
Но знаю я – наступит время «Ч»,
и будет плакать на твоём плече
невидимого тайная твердыня.

6